

Мы уже отмечали выше близость «Слова» к двум жанрам народной поэзии — славам и плачам. Близость эта, однако, не ограничивается жанровыми аналогиями.

Конечно, «Слово о полку Игореве» — отнюдь не произведение устной народной поэзии, но оно очень близко к ней по своей идейной сущности и стилистическому строю.

«Слово» насыщено образами народной поэзии: тут и деревья, приклоняющиеся до земли от горя, тут и никнувшая от жалости трава, и сравнение битвы с пиром, с жатвой. Близка к народным плачам лирическая песнь Ярославны. В плачах постоянны те же обращения к ветру, к реке, к солнцу, которые имеются и в песне Ярославны. Сон Святослава полон устно-поэтических символов. Сказочно описание бегства Игоря; в сказках нередко герой, спасающийся от колдуна, превращается в животных. Подобно Игорю, обернувшись соколом и бившему гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину, в былине о Волхе Всеславиче, Волх, обернувшись соколом, бьет гусей и лебедей для дружины. Воспитание курских дружинников Всеволода Буй Тура напоминает воспитание того же Волха Всеславича. Даже языческие боги, упоминаемые в «Слове», воспринимаются как образы народной поэзии. Народен и образ «девы Обиды», встречающийся и в записях устной поэзии XIX в.

Народного богатыря напоминает Всеволод Буй Тур, когда он прыщет на вра-

гов стрелами, гремит об их шлемы мечами харалужными. Подобно Илье Муромцу, Всеволод Буй Тур сражается с врагами, и, куда поскачет, там лежат поганные головы половецкие.

Богатыря напоминает и Ярослав Осмомысл в «Слове о полку Игореве», когда он бросает тяжести за облака.

Встречаются в «Слове» и другие признаки его тесной связи с народной поэзией. Народная стихия в «Слове» выражается в отрицательных метафорах («Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костями русскихъ сыновъ»), в некоторых чисто фольклорных эпитетах (чистое поле, серые волки, острые мечи, синее море, каленые стрелы, борзые кони, черный ворон, красные девы и др.), в характерных для народной поэзии образах (особенно многочисленных в плаче Ярославны и в сне Святослава Киевского), в аллитерациях, в отдельных гиперболах, сравнениях и т. д.

Однако с народной поэзией связывают автора «Слова о полку Игореве» не только художественные вкусы, но и мировоззрение, политические взгляды. Поэтому нельзя говорить о механическом влиянии на автора «Слова» русской народной поэзии. Автор «Слова» творит в формах народной поэзии потому, что сам он близок к народу, стоит на народной точке зрения.

Народные образы «Слова» тесно связаны с его народными же идеями. Художественная сторона и идейная неотделимы в «Слове» друг от друга. Вот, напри-

мер, обычное в «Слове» сравнение битвы с жатвой: «Тогда при Олзѣ Гориславличі сѣяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука»; «чръна земля подѣ копыты костью была посѣяна, а кровию польяна: тугою взыдоша по Руской земли»; «на Немизѣ снопы стелють головами, молотять чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла». Эти сравнения были очень часты в устной народной поэзии. Они обильно встречаются позднее — в записях русских, украинских и белорусских песен, сделанных в XVIII, XIX и XX вв.:

Распахана Шведская пашня.

Распахана солдатской белой грудью.

Орана Шведская пашня

Солдатскими ногами.

Боронена Шведская пашня

Солдатскими руками.

Посеяна новая пашня

Солдатскими головами.

Поливана новая пашня

Горячей солдатской кровью.

Или:

Не плугами поле, не сохами пораспахано,

А распахано поле конскими копытами,

Засеяно поле не всхожими семенами,

Засеяно казачьими головами,

Заволочено поле казачьими черными кудрями.

Или:

Чорна роля (пашня) заорана,

Кулями засіяна,

Білим тілом зволочена,

Кровью сполощена.

Замечательно, однако, что это сравнение поля битвы с пашней в «Слове» и в народной поэзии имеет глубокий идейный смысл. Это даже и не сравнение, а противопоставление. В «Слове» и в народной поэзии противопоставляются война мирному труду, разрушение — созиданию, смерть — жизни (по-древне-

русски «жизнь» не только «существование», но и «богатство, плоды земледельческого труда — жито»).

Это противопоставление мира войне пронизывает и другие части «Слова». Автор «Слова» обращается к народному образу пира — апофеоза мирного труда: «Ту кроваваго вина не доста; ту пирь докончаша храбрии Русичи: сваты попиша, а сами полегоша за землю Рускую». С поразительной конкретностью противопоставляя русских их врагам, он называет последних сватами: Игорь Святославич действительно приходился сватом Кончаку (дочь Кончака была помолвлена за сына Игоря — Владимира). Отсюда следует, что образ пира-битвы не просто заимствован из народной поэзии, где он обычен, а умело осмыслен применительно к данному конкретному случаю. Той же цели противопоставления мира войне служат и женские образы «Слова о полку Игореве» — Ярославна и «красная» Глебовна.

Перед нами, следовательно, целая политическая концепция автора «Слова о полку Игореве», в которую, как часть в целое, входят традиционные образы устной народной поэзии: «битва-молотьба», «битва-пир» и т. д.

Связь с народной поэзией ясно ощущается в «Слове» и в изображении людей. Автор «Слова» гиперболизирует своих героев. Эта гиперболизация — один из способов художественного обобщения, типичный и для устного эпоса. Подобно тому как в былинах богатырь соединяет в себе все свойства русского войска, русской дружины или русского крестьянства, в «Слове» на положительных героев-князей переносятся характеристика и подвиги их дружины. Перед нами в «Слове» начальная стадия того процесса, который в эпосе в более позднее время привел в конце концов к тому, что русское войско оказалось поглощено в собирательном образе богатыря, стало отсутствовать в былинах (в былинах

Войско Игоря Святославича захватывает половецкие вежи. Миниатюра Радзивилловской летописи. Конец XV в. (воспроизводит оригинал XII в.).

XVII—XX вв. действует уже один богатырь без войска).

Так, например, Всеволод Буй Тур прыщет на врагов стрелами, гремит о шлемы мечами харалужными: шлемы оварские «поскепаны» его калеными саблями. О мечах и саблях говорится во множественном числе. Конечно, стрелы, мечи и сабли — не личные Всеволода. Автор «Слова» говорит здесь о том, что Всеволод прыщет на врагов стрелами своей дружины, сражается ее мечами и саблями.

Подобно тому как Илья Муромец
 Куда махнет — туда улица,
 Куда перемахнет — туда переулок,
 так и Всеволод Буй Тур — «камо Турь
 поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ

посвѣчивая, тамо лежать поганья головы половецкыя». Но различие между былиной и «Словом» в том, что в «Слове» еще сохраняется сознание того, что Всеволод действует не сам, а с помощью своей дружины; в былине же Илья действует один. Образ богатыря успел соединить в себе все качества его дружины.

То же перенесение подвигов дружины на князя видим мы в «Слове» и в других случаях. Святослав Киевский «притрепаль» коварство половцев «своими сильными плѣкы и харалужными мечи»; Всеволод Суздальский может «Донъ шелома выльяти», — конечно, не своим одним шлемом, а многими шлемами своей дружины. Также и Ярослав Осмомысл заступает королю путь своим войском. Дружина еще присутствует в

Поражение войска Игоря Святославича. Миниатюра Радзивилловской летописи. Конец XV в. (воспроизводит оригинал XII в.).

«Слове», но она уже служит фоном для главного героя — князя. Как на старинных иконах и миниатюрах: герой велик в своих размерах, и он изображен на первом плане, дружина же изображена не крупно, очень условно и на втором плане.

Итак, художественная система «Слова» тесно связана с русским народным творчеством. Тем не менее «Слово о полку Игореве» — произведение письменное, а не устное. Как бы ни были в нем сильны элементы устной речи и народной поэзии, «Слово» все же писалось, и писалось как литературное произведение. «Слово» — не запись устно произнесенной речи или спетой исторической песни. «Слово» было с самого начала написано его автором, хотя автор и «слышал»

все то, что он писал, проверял на слух его ритм, звучание.

Письменное происхождение «Слова» сказывается прежде всего в смешении различных приемов устного народного творчества. В «Слове» можно найти близость и к устной причети, и к былинам, и к славам, которые пелись князьям, и к лирической народной песне. Такого смешения фольклор не знает. Жанры в фольклоре строго разграничены. Лирическая песнь никогда не вставляется в былинку; в причети не может оказаться кусок исторической песни. Не знает фольклор и того сложного построения, каким отличается «Слово». В особенности противоречат фольклору постоянные и типичные для «Слова» обращения от современности к прошлому. Наконец, в

«Слове» имеются и отдельные книжные выражения: «растѣкашется мыслию по древу», «скача, славию, по мыслину древу», «истягну умь крѣпостию своею», «свивая славы оба пола сего времени, рища въ тропу Трояню», «спаль князю умь похоти» и некоторые другие. Замечательно, однако, что все немногие сложные и искусственные книжные обороты встречаются по преимуществу в начале «Слова».

Из всех частей «Слова» его первая часть — там, где автор колеблется в выборе своей манеры, — ближе всего стоит к книжной традиции, хотя и не подчинена ей целиком. С развитием действия автор «Слова» отбрасывает все эти отдельные искусственные элементы книжной речи и пишет так, как говорит: горячо, страстно, проникаясь единственным стремлением убедить, взволновать, возбудить в своих читателях патриотические чувства. Автор как бы стремится освободиться от этих книжных, искусственных оборотов. Перед нами, таким образом, не следование традициям книж-

ности, а отход от этих традиций, отход, который совершается в «Слове» тут же, как бы на глазах у читателей, по мере того как голос автора крепнет в его обращении к своим современникам. Вторая часть «Слова» почти лишена элементов книжности.

Как бы ни была сложна художественная структура «Слова», как бы ни было тесно связано «Слово» с самыми разнообразными формами народной поэзии, с самыми разнообразными стихиями устной речи (с лексикой феодальной, военной, правовой, сельскохозяйственной и т. д.), поэтическая система «Слова» отличается строгим единством. Это единство обусловлено тем, что вся терминология, все формулы, все символы и привычные образы подверглись в «Слове» поэтической переработке, все они конкретизированы, образная сущность их подчеркнута, все они в своей основе связаны с русской действительностью XII в. и все они в той или иной мере подчинены идейному содержанию произведения.

